

Договорились о встрече на завтра. А с утра пришла эсэмэска: «Сегодня не смогу. Помогаю отцу». Ёкнуло и отпустило.

А вечером звонил Серёга. Долго мямлил. Потом выдал секрет. Ваш с Инной мерзкий секрет. Но я тебе об этом звонке никогда не расскажу. Обещала Серёге молчать. Всё-таки он — твой друг, не мой. Он сказал: потому что я хорошая девушка и вообще ему нравлюсь. Не хотел, чтобы я ходила обманутой. Пожалел?

Жало жалости вонзилось глубже некуда. Яд мгновенно распространился по телу. Первые признаки интоксикации: три часа онемения и беззвучных рыданий. Три часа глядеть в потолок не моргая, мотая по кругу наитупейший вопрос: «Зачем они так со мной?» Острое желание задать этот вопрос вам. Глядя в самую суть глаз. Есть там хоть что-то человеческое?

Я с трудом проснулась к обеду. Вернее, не я, а то, что от меня осталось. Сдуру обрезала русую косу-красу, мамину гордость. Как тебя отрезала. Коса не виновата, но это придало мне смелости. Наспех придумала красивую историю. Будто мне приснился вещий сон! Где ты и она.

Встретилась сначала с ней. Инна сразу во всём призналась и сильно плакала. Просила простить и сохранить дружбу. Я простила сразу, на удивление легко. Но от взгляда на подругу — тошнило.

А ты, Максим. Ты был как в танке. Непроницаем. Чего ты боялся, если понятно: всему конец? И всё-таки скинул броню. От твоего равнодушного «ну да, было» — земля ушла из-под ног.

Проснулся мой внутренний вулкан. И я схватилась — за обломок этого проклятого кирпича. Всё пошло не по моему сценарию. Будто мне подsunули чужое. Ведь я могла убить тебя! Представляешь? И сесть за решётку. Хотя по возрасту, наверное, — нет. Поставили бы на учёт. И потом живи с этим... Но в чём я виновата? Кирпич сам просился в руку. Твоё лицо просило кирпича. Око за око. Импульс. Маленькая месть от большой трагедии.

Сотрясение мозга — это не выход, знаю. Так вопросы не решаются. И меня надо наказывать по полной. Я исправлюсь. Я не первобытная. Попытки у психолога пройдены. Вменяема. Впереди — ссылка к бабушке. Лечение птичьим пеньем и пирогами. Мама засунула в рюкзак успокоительное. Перекрестила. И от бесов не осталось и следа. Она в это верит.

А я... смогу ли я теперь поверить хоть кому-нибудь, хоть во что-нибудь? Не знаю. Но кое-что я смогла... Я простила тебя, Максим. Шлю тебе эту весть через тысячи километров — телепатической эсэмэской. Лови! Надеюсь, твоя антенна цела и ты счастлив — с Инной или без. Мне уже всё равно. Каждую ночь мне снится, что и ты не держишь на меня зла. Что

дождь закончился, небо снова голубое, а солнце ослепительно-жёлтое. И крыша вот-вот перестанет ехать. Поезд причалит, выпустит меня в знойное деревенское лето. Запахнет арбузными корками, скошенным лугом и баней. И кто-нибудь непременно голубоглазый (совсем на тебя не похожий!) одним взглядом растопит лёд, покрывающий тонкой глазурью моё маленькое, двухкамерное сердце. И я поплыву легко. И рассмеюсь, подумав: «А что, так можно было?»

Василиса Солнцева Только фамилия

Сотрудница МФЦ проверяла документы. Я смотрела на неё и думала, как ей не жарко в блузке с длинным рукавом и фирменном жилете? Я бы сейчас не отказалась вытереть лицо её шейным платком. Вместо этого я попробовала обмахиваться снятой полчаса назад толстовкой. Скорей бы на улицу!

— Вы действительно хотите поменять «Орлова» на «Матвеева»? — уточнила сотрудница с улыбкой.

В помещении стало невыносимо холодно. Я судорожно вздохнула и медленно выдохнула. Фамилия — единственное, что осталось у меня от отца. Нос, губы, овал лица, даже цвет волос — всё в маму. Одежда, которую родители покупали мне вместе, давно уже стала мала и по наследству перешла родственникам и знакомым. Игрушки отправились следом. В про-

шлом году мы сделали ремонт и поменяли в квартире всё. Больше ничего не напоминало об отце.

Конечно, ещё у меня оставались воспоминания.

Вот отец поднимает меня маленькую над головой и кружит, приговаривая:

— Орловы высоко летают!

Юбка моего платья развеивается, будто крылья. Я смеюсь звонко-звонко, как смеются только маленькие дети.

А наши прогулки в парке?

Греет летнее солнце. В одной руке я держу сахарную вату, вторая ладошка утопает в папиной. Его ладонь горячая-горячая. Я вдыхаю запах цветущей липы, откусываю кусочек ваты — и во рту становится сладко-сладко.

А потом он просто исчез. Точнее, бросил на прощанье:

— Я позвоню тебе, — и ушёл.

Я ждала. Скандалила с учительницей, отказываясь выключать звук и сдавать телефон на уроках. Засыпала, смотря в экран. Просыпаясь, первым делом проверяла пропущенные вызовы. Позвонить сама не решалась. Когда мне только купили телефон, я звонила родителям каждые пять минут, но вечером мама сказала:

— Мы работаем: звонки только для экстренных случаев.

— А будешь продолжать, мы отберём телефон, — строго добавил папа. Мама посмотрела на него и покачала головой, но ничего не сказала.